

УДК 94(470.22):332.82

О. И. Кулагин

**ВЛИЯНИЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА
НА РАЗВИТИЕ ЖИЛИЩНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
КАРЕЛЬСКОЙ АССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XX ВЕКА (1945–1991 гг.)**

Устойчивое социально-экономическое развитие любой страны или региона в большой степени зависит от количественных и качественных характеристик жилищной инфраструктуры. Республика Карелия в течение вт. пол. XX в. развивалась как моноотраслевой регион с ярко выраженной лесопромышленной специализацией. Став инструментом региональной модернизации, лесопромышленный комплекс (ЛПК) оказал большое влияние на процесс формирования жилищной инфраструктуры в республике. Анализ архивных и статистических данных позволяет сделать вывод о том, что специфика решения жилищных проблем в отраслях ЛПК (постоянное отставание количественных и качественных характеристик строящегося жилья от потребностей населения, хроническое недоосвоение и распыление финансовых средств) повлияла на общее отставание Карелии в жилищном строительстве от всех регионов Северного и Северо-Западного экономических районов РСФСР. Обострение экономических и социальных проблем в Карелии в конце рассматриваемого периода стало во многом результатом просчетов при решении жилищного вопроса в предыдущие десятилетия. Результатом стали миграции населения, негативно повлиявшие на демографический потенциал Карелии как приграничного финно-угорского региона.

Ключевые слова: Карелия, лесопромышленный комплекс, жилищная инфраструктура, регион, Северо-Западный экономический район (СЗЭР), Северный экономический район (СЭР).

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-274-282

Введение

Социально-инфраструктурный потенциал региона характеризует его резервы в сфере улучшения медицинского, бытового, культурного, торгового и жилищно-коммунального обслуживания населения [Корнеева 2011, 156–167]. Важнейшими компонентами формирования социально-инфраструктурного потенциала региона являются объем и качество жилищного строительства.

Как мы уже отмечали [Кулагин 2018, 92–107], демографический и социально-экономический облик Карелии особенно с началом процессов советской индустриализации, а также после Великой Отечественной войны в наибольшей степени определялся ускоренным развитием лесной промышленности. Большой приток населения в Карелию в первые послевоенные годы требовал создания необходимых жилищных условий для людей, которые трудились не только в малоосвоенной лесной местности, но и сталкиваясь с непривычными для многих тяжелыми северными природно-климатическими условиями. Необходимо было ускоренными темпами выполнять производственные планы, установленные государством в рамках послевоенного восстановления народного хозяйства.

Источниковая база нашего исследования представлена преимущественно документами, впервые введенными в научный оборот, в первую очередь – из фондов Российского государ-

ственного архива экономики (РГАЭ). В частности, были использованы документы Министерства лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР (Ф. 73), Совета по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР (Ф. 399), Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР (Ф. 566), Государственного планового комитета Совета Министров СССР (Ф. 4372), Учреждений по руководству переселением в СССР (Ф. 5675), Министерства финансов СССР (Ф. 7733). Информация, полученная в данных фондах, позволяет оценить эффективность решения проблем развития жилищной инфраструктуры на государственном уровне.

В исследовании использовались также документы из фондов Национального архива Республики Карелия: Карельского рескома Компартии (Ф. П-3), ЦК Компартии Карело-Финской ССР (Ф. П-8), Партийной организации КПСС Государственного планового комитета КАССР (П-59), Госкомстат Республики Карелия (Ф. 659), Р-1632, Пряжинского леспромхоза треста «Южкареллес», Министерства лесной промышленности Карело-Финской ССР (Ф. Р-2716). Эти материалы позволили нам исследовать проблемы формирования социальной инфраструктуры на региональном уровне.

Для изучения динамики развития показателей жилищной инфраструктуры Карелии в сравнении с другими регионами широко привлекались материалы официальной статистики («Народное хозяйство РСФСР» в 1980, 1989 и 1990 гг.).

В время войны в Республике полностью были уничтожены 84 населенных пункта, 409 разрушены частично. Жилой фонд лесной промышленности после войны уменьшился на 92 %. Ухудшилось состояние жилья. В 1945 г. на некоторых лесозаготовительных предприятиях до 75 % жилья нуждалось в капитальном и текущем ремонте. Рабочие размещались в полуразвалившихся бараках довоенной постройки, в землянках, оставшихся от военной поры [Клементьев, Кожанов 1988, 165].

В первые послевоенные годы недостаток жилья наиболее остро испытывали предприятия лесной промышленности: именно на них приходилась основная масса рабочих, приезжавших тогда в Республику. За годы IV пятилетки в лесной промышленности Севера было введено 505 тыс. м² жилой площади [Макуров 1979, 16; Шегельман 2008, 80]. В том числе по Министерству лесной промышленности КФССР построили 221 тыс. м² жилья, что составляло лишь около половины планового задания. Дефицит жилья в региональном ЛПК на 1 января 1950 г. превысил его наличие в 2,5 раза [НАРК. Ф. Р-2716. Оп. 8. Д. 6. Л. 133].

Тяжелое положение обусловлено тем, что за годы IV пятилетки не было создано строительной индустрии, способной удовлетворить возраставшие жилищные потребности в условиях расширения лесозаготовок и освоения лесных массивов в практически необжитых районах Республики. Развитие заводского домостроения только началось, а массовый выпуск стандартных сборно-щитовых домов удалось наладить лишь в начале V пятилетки. Нехватка строителей, механизмов и техники становилась хронической проблемой ЛПК. Поскольку на первом месте для строительных организаций было выполнение плана по производственному строительству, то планы по жилищному строительству, которое зачастую велось по остаточному принципу, не выполнялись. Недостаток жилья пытались восполнять строительством временных сооружений (бараков) и восстановлением довоенного жилого фонда, в котором также преобладали бараки. В 1949 г. временное жилье составляло треть жилого фонда отрасли [НАРК. Ф. Р-2716. Оп. 8. Д. 38/234. Л. 156, 162]. По данным хозяйственных книг сельсоветов за 1949 г., в общих квартирах и общежитиях проживало около 20 % населения лесных поселков, более 13 % арендовало жилье у индивидуальных домовладельцев [Клементьев, Кожанов 1988, 169].

В кон. 1940-х – нач. 1950-х гг. ситуация с обеспечением рабочих лесной отрасли нормальными жилищно-бытовыми условиями еще более усложнилась. Связано это с активизацией переселенческой политики государства для пополнения лесной промышленности постоянными кадрами рабочих, которые необходимо было закрепить. Лесная промышленность не располагала необходимым для этого резервом жилого фонда для размещения прибывавших тысяч семей переселенцев.

Главной проблемой здесь была хроническая неосваиваемость выделявшихся финансовых средств. Из года в год предприятия ЛПК неудовлетворительно осваивали средства, отпускавшиеся на ремонт жилфонда и культурно-бытового строительства. В 1948 г. средства были освоены на 36 %, в 1949 г. – на 72 % и за 10 месяцев 1950 г. – на 81 %. Отсутствие материальных и временных ресурсов для проведения ремонта приводило к тому, что во многих лесных поселках крыши жилых помещений протекали, печи не были отремонтированы и дымили. Из-за ветхости ремонтировать их тоже было нельзя [НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 4350. Л. 3].

Особенно напряженное положение с жильем сложилось в первые годы переселения (1949–1951), хотя приток переселенцев, как и в последующие годы, не достигал запланированных объемов. Немногие предприятия смогли обеспечить прибывшим нормальные жилищные условия. Часть переселенцев временно расселили в колхозах, большинство семей разместили за счет уплотнения имевшегося жилого фонда, объем которого и без того был ограничен. В создавшихся условиях плановые показатели ввода жилья на 1950–1951 гг. увеличили, при этом подготовка жилья для переселенцев учитывалась отдельно. Однако эти задания не отражали реального положения дел в строительстве. План ввода жилья в эксплуатацию за 1950–1951 гг. был выполнен на 54 %; план подготовки жилья для переселенцев в 1951 г. – лишь на 45 %. До одной трети жилья составляли отремонтированные и восстановленные дома [Клементьев, Кожанов 1988, 169–170]. В 1953 г. план подготовки домов для переселенцев был выполнен на 67,5 %: из 5300 домов (квартир) подготовили 3479. В том числе в колхозах план был выполнен на 33,9 %, в совхозах – на 72,7 %, в ЛПХ – 65,6 %. В некоторых ЛПХ вселения в титульных списках совершенно не было предусмотрено строительство домов для переселенцев или же предусмотрен значительно меньший объем строительства по сравнению с планом [РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 769. Л. 5, 11].

Как следствие обеспеченность жильем в расчете на одного проживавшего в 1952 г. снизилась (по сравнению с 1949 г.) с 3,2 до 2,6 м² [НАРК. Ф. Р-2716. Оп. 8. Д. 38/234. Л. 133]. В течение 1949–1951 гг. практиковалось вселение нескольких семей в одну комнату (2–3 или иногда и 4–6). Для размещения рабочих с семьями использовались землянки и полуземлянки, шалаши, палатки, железнодорожные вагоны и другие не приспособленные для жилья помещения, вплоть до хозяйственных построек. По примерным данным, из прибывших к сер. 1950 г. семей переселенцев таким образом было размещено более 20 %; из числа прибывших к середине следующего года (1951) семей переселенцев – 9 % [Клементьев, Кожанов 1988, 170].

Именно в 1950-е гг. сформировалась основа жилищной инфраструктуры лесных поселков Республики. Широкое распространение получили одно-, двух- и четырехквартирные сборно-щитовые дома. Тогда они составляли до 70 % всего жилого фонда лесной промышленности. Легкость транспортировки, быстрота сборки и разборки этих домов отвечали особенностям эксплуатации значительного числа мелких лесных поселков, сроки которой порой ограничивались 1–3 или 5–6 годами. В то же время эти дома обладали рядом существенных недостатков, главный из которых заключался в плохой теплоизоляции, делавшей их непригодными к эксплуатации в суровых природно-климатических условиях Республики. Особенно низким было качество сборно-щитовых домов типа ЩЛ-51, сразу же получивших название «51 щель» [Клементьев, Кожанов 1988, 171–172].

Однако сооружение щитовых домов помогло решить жилищную проблему лишь временно и исключительно за счет качества жилья. Щитовые дома, построенные в 1950-е гг., уже к концу десятилетия стали приходить в негодность. В нач. 1960-х гг. их строительство было прекращено, и вместо них стали возводиться постройки из бревна и бруса. В сер. 1960-х гг. доля щитовых домов в жилищном фонде лесной промышленности (включая городские поселения) составляла уже 42 %. В последующие полтора десятилетия она заметно сократилась, но оставалась значительной: в 1980 г. 32 % [Клементьев, Кожанов 1988, 143, 145].

В 1965 г. только по предприятиям лесной промышленности из 102 объектов культурно-бытового и коммунального назначения, подлежащих к вводу, лишь 32 ввели в эксплуатацию (из 6 детсадов сдали в эксплуатацию – 3, из 6 строящихся красных уголков ни один не был сдан в эксплуатацию, из 76 объектов торговли и коммунального назначения ввели в эксплуатацию

только 27). Качество строительства и ремонта жилья, а также объектов культурно-бытового назначения оставалось весьма низким [НАРК, Ф. П-3. Оп. 16. Д. 136. Л. 26].

За 1965 г. объединению «Кареллеспром» было прибавлено жилой площади – 65702 м², в том числе благодаря новому строительству – 44827 м². Выбыло за это же время жилой площади – 50067 м² (76,2 % от всей введенной), в том числе списали по ветхости – 24072 м², передали другим организациям – 22407 м², переоборудовали в нежилые – 2331 м², по реконструкции – 1257 м² [РГАЭ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 123. Л. 101–102]. К сер. 1960-х гг. 40 % жилфонда лесных поселков составляли щитовые дома 1950–1955 гг. постройки. К тому моменту лесным поселкам требовались дополнительно 44 школы (на 13200 мест), 26 клубов (на 4800 мест) и 12 больниц (на 535 мест) [РГАЭ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 124. Л. 25].

Во вт. пол. 1960-х гг. Карелия среди регионов СЗЭР оказалась на третьем месте с конца. Самый небольшой объем жилищного строительства в 1966–1970 гг. оказался у Новгородской обл., чуть лучше этот показатель оказался у Псковской обл. В Карелии в это время было построено 4,9 % от всей жилой площади, построенной в СЗЭР [Посчитано по: Народное хозяйство РСФСР в 1980 г. ... 1981, 232]. На протяжении IX и X пятилеток по объемам вводимой жилой площади Карелия находилась на последнем месте среди всех регионов СЗЭР.

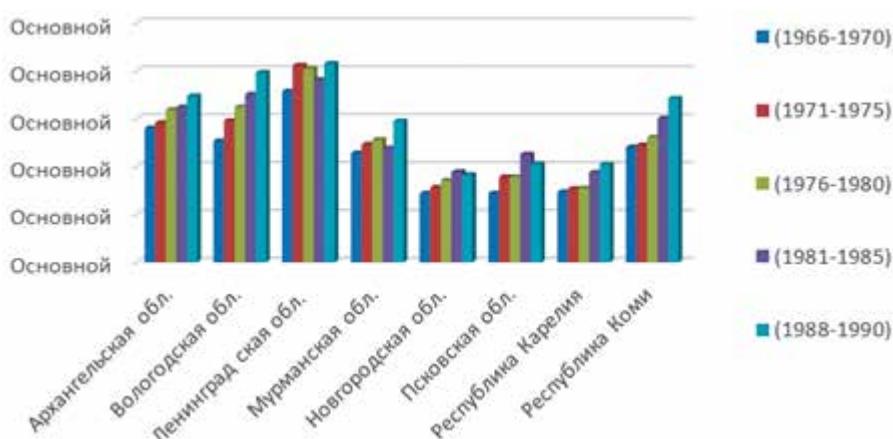

Диаграмма 1. Объемы ввода в действие жилых домов по регионам (вт. пол. 1960-х – 1980-е гг.)

При обсуждении и разработке VIII пятилетнего плана Госплан Республики признавал, что контрольная цифра по приросту жилой площади в целом по РСФСР была для Карелии явно неприемлемой [НАРК. Ф. П-59. Оп. 5. Д. 9. Л. 3].

Это время характеризовалось также нерациональным распылением государственных средств, постепенно и все более расходуемых на развитие отраслей ЛПК в восточных районах страны при снижении нагрузки на лесосечный фонд европейской части страны. Если в целом по РСФСР план строительно-монтажных работ по строительству лесовозных дорог и лесозаготовительных предприятий в I квартале 1968 г. Минлесбумпромом СССР был выполнен на 85 %, то в основных многолесных районах выполнение плана составило: по Читинской обл. 46 %, Красноярскому краю – 57 %, Сахалинской обл. – 59 %, Кемеровской обл. – 61 %, Бурятской АССР – 69 %, Томской обл. – 75 %, Иркутской обл. – 82 %, по Хабаровскому краю – 83 %. Из 343 строящихся важнейших объектов производственного назначения план I квартала 1968 г. был выполнен только по 130 объектам, а на 59 объектах работы были вообще не начаты. В результате Совмин РСФСР просил Совмин СССР повлиять на Минлесбумпром СССР и в целях обеспечения перебазирования лесозаготовок, сокращения перерубов расчетной лесосеки в Европейской части РСФСР и на Урале принять меры к выполнению плана строительства лесозаготовительных предприятий и лесовозных дорог в многолесных районах РСФСР [РГАЭ. Ф. 566. Оп. 1. Д. 22. Л. 37].

По мнению же Минлесбумпрома СССР, недостаточность выделяемых капитальных вложений задерживала перебазирование лесозаготовок в многолесных районах Севера, Сибири и Дальнего Востока. В результате Министерство вынуждено было при планировании объемов лесозаготовок допускать по некоторым районам сохранение переруба расчетной лесосеки в Европейской части СССР и проводить условно сплошные рубки [РГАЭ. Ф. 566. Оп. 1. Д. 22. Л. 32]. Заложником сложившейся ситуации стал лесной фонд Карелии.

Карелия представляла собой регион, где основу лесной экономики представляли предприятия союзного подчинения, крупнейшим из которых был «Кареллеспром». И на общесоюзном, и на республиканском уровнях предприятия союзного подчинения решали прежде всего производственные задачи, поставленные союзным Центром; мало обращая внимания на нерешенность региональных проблем социально-инфраструктурного характера.

При этом недостатки в выполнении работ строительными организациями республики зачастую служили главной причиной отказа в увеличении объема капитальных вложений. К примеру, в 1965 г. Государственный плановый комитет посчитал нецелесообразным увеличение объема капитальных вложений Сегежскому ЦБК для ввода новых мощностей по переработке целлюлозы, так как эти вложения результата дать не могли при отсутствии технологического оборудования [РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 98. Л. 53, 58].

Причиной того, что и в IX пятилетке (1971–1975 гг.) Карелия оставалась на последнем месте по объемам жилищного строительства по СЗЭР (См. Диаграмму 1) являлось уже традиционное недовыполнение планов по капитальным вложениям и вводу в действие основных фондов, так как они приводили к росту объемов незавершенного строительства. Помимо того, что объем незавершенного строительства рос из года в год, как снежный ком, именно предприятия регионального ЛПК из года в год оказывались по данным показателям «лидерами». По Кондопожскому ЦБК на 1 января 1975 г. незавершенное строительство составило 22,5 млн. руб., или в 2,1 раза больше выполненного объема; по Сегежскому ЦБК – 63,4 млн., или на 92 % выполненного плана; по целлюлозному заводу «Питкяранта» 10,4 млн. руб., или в 3,2 раза больше выполненного объема. Процент выполнения плана за 1971–1975 гг. по общей площади жилых домов составил 93 % [НАРК. Ф. Р-659. Оп. 11. Д. 1124/8087. Л. 27 об.–28].

Столь плачевную ситуацию с жилищным строительством подтверждают результаты проверки постановления ЦК и СМ от 22 февраля 1972 г. № 142 об улучшении жилищных условий, торгового и бытового обслуживания лесозаготовителей КАССР, проведенной Комитетом Народного контроля в 1974 г. на предприятиях Кареллеспрома. Проверка установила, что Кареллеспром не обеспечивал выполнения плана капитального строительства жилья. В 1972 г. по этому источнику финансирования объединением он был выполнен на 60 %, в 1973 – на 43 %. Качество строительства оставляло желать лучшего и вызывало жалобы лесозаготовителей и их семей [ГАРФ. Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 4369. Л. 6, 11].

Этим же постановлением от 22 февраля 1972 г. Госплану СССР было поручено предусматривать выделение Министерству материалов в количествах, обеспечивающих выполнение объемов работ. Однако лесозаготовительные предприятия из-за крайне недостаточных фондов на строительные материалы, выделяемых Госпланом, не имели возможности в необходимом объеме обеспечить капитальный ремонт жилого фонда, объектов культурно-бытового назначения и др. По данным учета на 1 января 1974 г., в поселках лесозаготовительных предприятий имелось 14,9 млн. м² жилой площади со средним процентом износа 31,1 %. 1/3 жилой площади составляли дома с износом свыше 40 %; щитовые дома, построенные 15–20 и более лет назад; а также неустроенные бараки. Около 2500 тыс. м² щитовых домов и бараков требовали срочного восстановительного ремонта. Уровень благоустройства жилого фонда, имевшего центральное отопление, составлял 9,5 % [ГАРФ. Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 4369. Л. 143–145].

В 1976–1980 гг. в Карелии всего жилой площади построили меньше, чем в каком-либо еще регионе северо-запада (См. Диаграмму 1). Тот факт, что в кон. 1970-х – пер. пол. 1980-х гг. Карелия демонстрировала одни из самых низких показателей по жилищному строительству среди регионов СЭР РСФСР, подтверждается и другими данными [Капитальное строительство СССР... 1988, 136].

Неравномерность развития на уровне экономических районов в данный период усугублялась неравномерностью распределения финансовых потоков для развития социальной инфраструктуры на союзном уровне. В процессе «выбивания» дополнительных государственных средств некоторые союзные республики имели больший приоритет. В частности, из справки о результатах рассмотрения замечаний Советов Министров союзных республик по проекту бюджета на 1976 г. следовало, что общий объем заявленного республиками финансирования составил 4,975,814 тыс. руб., а Совмин СССР предлагал утвердить лишь небольшую часть этих средств: 198,136 тыс. руб. При этом объем заявленных и утвержденных средств чрезвычайно разнился по республикам: по РСФСР было заявлено 3,054,494 тыс. руб., а утверждено – 71,069 тыс. руб. (или 2,33 %); по УССР, соответственно, – 657,725 и 23,041 тыс. руб. (или 3,5 %); по БССР, соответственно, – 115,571 и 5,700 (или 4,93 %); Латвийская ССР, соответственно, – 58,677 и 8,788 (или 14,98 %) [Посчитано по: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 64. Д. 100. Л. 21–24]. При этом, если касательно РСФСР дополнительное финансирование было направлено исключительно на развитие промышленных отраслей, то среди статей финансирования остальных союзных республик везде (фактически без исключения) присутствовали суммы для увеличения ассигнований на благоустройство городов и поселков городского типа [РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 64. Д. 100. Л. 155]. Такая неравномерность в финансовом обеспечении социальной инфраструктуры РСФСР и других союзных республик не могла не отразиться и на общем состоянии дел внутри регионов Российской Федерации.

В 1980-е гг. отставание Карелии по объемам жилищного строительства сохранилось. В XI пятилетке в Карелии было введено в действие 1875 тыс. м² общей жилой площади, как оказалось – самый низкий показатель среди всех регионов Северного и Северо-Западного экономических районов РСФСР. За 4 года XII пятилетки Карелия переместилась с последнего места на предпоследнее по объемам жилищного строительства среди регионов СЗЭР (См. Диаграмму 1), опередив лишь Новгородскую обл. [Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. ... 1990, 223]. При этом среди регионов СЭР за период 1988–1990 гг. Карелия вновь показала один из самых низких результатов по жилищному строительству: 2044 м² жилой площади. Предпоследнее место заняла Мурманская обл., на территории которой в эти годы было введено на 900 тыс. м² больше жилой площади – 2944 [Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. ... 1991, 205]. Причины такой ситуации в жилищном строительстве в целом по Республике традиционно были связаны с недоиспользованием лимита капитальных вложений. За январь 1981 г. использование данного лимита составило 3,2 млн. руб., или 6 % годового лимита вместо 8,3 % по норме. При этом ввели в эксплуатацию 3,7 тыс. м² общей площади жилых домов, что составило только 9 % к плану 1 квартала (и 1,4 % к годовому плану). Очень слабыми темпами велось жилищное строительство в Кемском, Лахденпохском, Лоухском, Медвежьегорском, Муезерском, Питкярантском, Пряжинском, Пудожском и Суоярвском р-нах, а также в Петрозаводске. Неудовлетворительно велось строительство объектов водоснабжения, канализации и теплоснабжения в гг. Беломорске, Кондопоге, Сортавале, Суоярви и п. Видлица [НАРК. Ф. Р-659. Оп. 20. Д. 12. Л. 59–60; НАРК. Ф. Р-1632. Оп. 9. Д. 5. Л. 2–4].

Характерно, что капитальные вложения при этом осваивались более чем на 100 %, однако план по строительству объектов жилищного и коммунального назначения хронически недовыполнялся. За первое полугодие 1980 г. в жилищном строительстве региона освоили 29,2 млн. руб. капитальных вложений, что составило 104 % к плану полугодия. При этом полугодовой план по вводу в действие общей площади жилых домов был выполнен только на 79 %. В мае 1980 г. Совет Министров КАССР, рассмотрев ход строительства объектов просвещения, здравоохранения, культуры и социального обеспечения, обязал подрядные организации республики, заказчиков, исполкомы городских и районных Советов народных депутатов принять срочные меры, обеспечивающие полное освоение средств, выделенных на строительство этих объектов. Итоги полугодия показали однако, что объекты социально-культурного назначения у строителей и заказчиков не стали первоочередными. Уровень выполнения плана по освоению капитальных вложений и строительно-монтажным работам на объектах социально-культурного назначения по-прежнему значительно отставал от уровня выполнения плана капитального строительства [НАРК. Ф. 659. Оп. 11. Д. 1452/10325. Л. 150–151].

В процессе обсуждения проекта плана экономического и социального развития РСФСР на 1986-1990 гг. в одном из выступлений на XXVII съезде КПСС в 1986 г. отмечалось, что в стране сложилась совершенно ненормальная обстановка, когда неудовлетворительная работа строительных организаций, слабость их индустриальной базы лимитировали в некоторых регионах развитие экономики, нанося тем самым ущерб рациональному размещению производительных сил. Отмечалось также, что при распределении лимитов капитальных вложений по сферам и отраслям учитывалась необходимость развития отраслей, связанных с развитием агропромышленного комплекса, транспорта, дорожного хозяйства, бытового обслуживания населения, строительства объектов жилищного и коммунального строительства, народного образования, культуры и здравоохранения [ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 145. Д. 348. Л. 73–74].

Если же говорить о ситуации, которая сложилась в РСФСР в целом к концу советского периода, то в аналитических выводах СОПС при Госплане СССР, сделанных в 1991 г., в частности отмечалось, что недальновидная политика государства, обеспечившая на протяжении десятилетий преимущественное развитие и размещение отраслей тяжелой промышленности, поглощавших с возрастающей быстротой все больше материальных, трудовых и финансовых ресурсов без должной отдачи, привела в конечном счете к резкому обострению в РСФСР социальных и экономических проблем. «...Единое экономическое пространство России оказалось разорванным как вследствие своих огромных массивов, так и социально-экономической неоднородности развития отдельных регионов» [РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 2020. Л. 5].

При этом по СЭР отмечалось также снижение темпов роста обеспеченности населения жилой площадью, слабый рост обеспеченности дошкольными учреждениями, больничными койками. Было отмечено и снижение производства товаров народного потребления в расчете на рубль фонда заработной платы: с 0,41 руб. в 1985 г. до 0,34 руб. в 1988 г., с тенденцией дальнейшего понижения. В результате неразвитости социальной сферы наблюдалось замедление вовлечения трудовых ресурсов в общественное производство, наличие в отдельных регионах отрицательного сальдо миграции. В межрегиональном обмене товарами СЭР продолжал выступать как поставщик различных видов топливно-энергетического и минерального сырья, продукции ЛПК и строительных материалов, продукции отдельных видов машиностроения и как потребитель товаров народного потребления, включая продовольствие, различной машиностроительной продукции, нефтепродуктов и др. [РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 2020. Л. 30].

Выводы

Таким образом, одной из особенностей реализации социально-инфраструктурного потенциала Карелии как приграничного финно-угорского региона стало сохранявшееся отставание региона по показателям объема и качества жилищного строительства в сравнении с другими регионами СЗЭР и СЭР. Не касаясь в данном исследовании отдельно темы особенностей взаимоотношений между центром и регионом, сложившихся в рассматриваемый период, стоит отметить как причины сложившейся ситуации: постоянное отставание количественных и качественных характеристик строящегося жилья от потребностей населения. К ним можно отнести также хроническое недоосвоение и распыление финансовых средств, приоритетность для государства в ускоренном ведении производственного строительства в ущерб строительству жилья. В результате по показателям развитости жилищной инфраструктуры республика хронически отставала от большинства регионов СЗЭР и СЭР, что не могло не отразиться на обострении социальных и экономических проблем, а также на дальнейшем ухудшении демографического потенциала Карелии.

ЛИТЕРАТУРА

Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 7523. Оп. 145. Д. 348.

ГАРФ. Ф. Р-9527. Оп. 1. Д. 4369.

Капитальное строительство СССР: стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1988. 246 с.

Клементьев Е. И., Кожанов А. А. Сельская среда и население Карелии: 1945-1960: историко-социологические очерки. Л.: Наука, 1988. 212 с.

Корнеева А. С. Оценка социально-инфраструктурного потенциала регионов России // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2011. Т. 11. Вып. 3. С. 156–167.

Кулагин О. И. Лесопромышленный комплекс как фактор трансформации демографического потенциала Карелии во второй половине XX века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. № 3. С. 92–107.

Макуров В. Г. Развитие лесной промышленности Европейского Севера СССР в послевоенный период (1945–1955). Петрозаводск: Карелия, 1979. 78 с.

Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. П-3. Оп. 16. Д. 136.

НАРК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 4350.

НАРК. Ф. П-59. Оп. 5. Д. 9.

НАРК. Ф. Р-659. Оп. 11. Д. 1124/8087.

НАРК. Ф. Р-659. Оп. 11. Д. 1452/10325.

НАРК. Ф. Р-659. Оп. 20. Д. 12.

НАРК. Ф. Р-1632. Оп. 9. Д. 5.

НАРК. Ф. Р-2716. Оп. 8. Д. 38/234.

НАРК. Ф. Р-2716. Оп. 8. Д. 6.

Народное хозяйство РСФСР в 1980 году. М., 1981. 406 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1989 году. М., 1990. 692 с.

Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. М., 1991. 592 с.

Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 73. Оп. 1. Д. 123.

РГАЭ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 124.

РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Д. 2020.

РГАЭ. Ф. 566. Оп. 1. Д. 22.

РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 66. Д. 98.

РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 769.

РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 64. Д. 100.

Шегельман И. Р. Лесные трансформации (XV–XXI вв.). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 240 с.

Поступила в редакцию 07.02.2019

Кулагин Олег Игоревич,

кандидат исторических наук, доцент,

Петрозаводский государственный университет

185910, Россия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

e-mail: olkulagin@yandex.ru

O. I. Kulagin

The influence of the timber industry complex on the development of the housing infrastructure of the Karelian ASSR in the second half of the twentieth century (1945–1991)

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-274-282

The sustainable socio-economic development of any country or region largely depends on the quantitative and qualitative characteristics of the housing infrastructure. The Republic of Karelia in the second half of the twentieth century developed as a single-industry region with a strong specialization in timber. Having become an instrument of regional modernization, the timber industry complex (TIC) had a great influence on the process of building housing infrastructure in the republic. Analysis of archival and statistical data allows us to conclude that the specifics of solving housing problems in the branches of the timber industry complex (the constant lag in the quantitative and qualitative characteristics of housing under construction from the needs of the population, chronic underspace and dispersal of funds) affected the overall lag of Karelia in housing construction from all regions of the Northern and North-Western economic regions of the RSFSR. The aggravation of economic and social problems in Karelia at the end of the period under consideration was largely the result of miscalculations in resolving the housing issue in previous decades.

Keywords: Karelia, timber industry complex, housing infrastructure, region, North-West economic region (SZER), Northern economic region (SED).

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 2, pp. 274–282. In Russian.

REFERENCES

- State Archive of the Russian Federation* (hereinafter – *GARF*). F. 7523. Op. 145. D. 348. In Russian.
GARF. F. P-9527. Op. 1. D. 4369. In Russian.
Kapital'noe stroitel'stvo SSSR: stat. sb. [Capital construction of the USSR: stat. Sat]. Moscow, Finance and Statistics, 1988. 246 p. In Russian.
- Klement'ev E. I., Kozhanov A. A.** *Sel'skaya sreda i naselenie Karelii: 1945–1960: istoriko-sotsiologicheskie ocherki* [Rural environment and population of Karelia: 1945–1960: historical and sociological essays]. Leningrad, Science, 1988. 212 p. In Russian.
- Korneeva A. S.** Otsenka sotsial'no-infrastrukturnogo potentsiala regionov Rossii ocherki [Assessment of the social infrastructure potential of the regions of Russia]. *Vestnik NGU. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of the NSU. Series: Socio-Economic Sciences], 2011, vol. 11, issue 3, pp. 156–167. In Russian.
- Kulagin O. I.** Lesopromyshlennyi kompleks kak faktor transformatsii demograficheskogo potentsiala Karelii vo vtoroi polovine XX veka [Timber industry complex as a factor of transformation of the demographic potential of Karelia in the second half of the twentieth century]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Finno-Ugric Studies Yearbook], 2018, vol. 12, no. 3, pp. 92–107. In Russian.
- Makurov V. G.** *Razvitie lesnoi promyshlennosti Evropeiskogo Severa SSSR v poslevoennyi period (1945–1955)* [The development of the forest industry of the European North of the USSR in the postwar period (1945–1955)]. Petrozavodsk, Karelia, 1979. 78 p. In Russian.
- National Archives of the Republic of Karelia* (hereinafter – *NARK*). F. P-3. Op. 16. D. 136. In Russian.
NARK. F. P-8. Op. 1. D. 4350. In Russian.
NARK. F. P-59. Op. 5. D. 9. In Russian.
NARK. F. P-659. Op. 11. D. 1124/8087. In Russian.
NARK. F. P-659. Op. 11. D. 1452/10325. In Russian.
NARK. F. P-659. Op. 20. D. 12. In Russian.
NARK. F. P-1632. Op. 9. D. 5. In Russian.
NARK. F. P-2716. Op. 8. D. 38/234. In Russian.
NARK. F. P-2716. Op. 8. D. 6. In Russian.
- Narodnoe hozyaistvo RSFSR v 1980 g.* [The national economy of the RSFSR in 1980]. M., 1981. 406 p. In Russian.
Narodnoe hozyaistvo RSFSR v 1989 g. [The national economy of the RSFSR in 1989]. M., 1981. 692 p. In Russian.
Narodnoe hozyaistvo RSFSR v 1990 g. [The national economy of the RSFSR in 1990]. Moscow, 1991. 592 p. In Russian.
- Russian State Archive of Economics* (hereinafter – *RGAE*). F. 73. Op. 1. D. 123. In Russian.
RGAE. F. 73. Op. 1. D. 124. In Russian.
RGAE. F. 399. Op. 3. D. 2020. In Russian.
RGAE. F. 566. Op. 1. D. 22. In Russian.
RGAE. F. 4372. Op. 66. D. 98. In Russian.
RGAE. F. 5675. Op. 1. D. 769. In Russian.
RGAE. F. 7733. Op. 64. D. 100. In Russian.
- Shegel'man I. R.** *Lesnye transformatsii (XV–XXI vv.)* [Forest transformations (XV–XXI centuries)]. Petrozavodsk, Publishing House of PetrSU, 2008. 240 p. In Russian.

Received 07.02.2019

Kulagin Oleg Igorevich

Candidate of Science (History), Associate professor,
Petrozavodsk State University
33, pr. Lenina, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation
e-mail: olkulagin@yandex.ru